

Два месяца в Манеже работала выставка Ильи Глазунова. Ее посетили сотни тысяч зрителей. О ней говорили, спорили в метро и дома, во время воскресных загородных прогулок и даже на стадионе в дни все захватывающих Игр доброй воли. Встречаясь с таким феноменом народной жизни, художественный критик уже не может ограничиться дежурными суждениями о яркости или тусклости колорита, об энергичности либо вялости рисунка. Общественный феномен сложен, многоэлементен по своей природе. Но если перед нами картины, то главное в них, конечно же, живопись. И вот тут, думая об общественном феномене, как раз уместно обратиться именно к краскам и линиям. Каковы они? Что в них заложено и заложено ли?

Есть художники, которые, обретая с годами и новый жизненный опыт и новые средства выразительности, остаются для нас притягательно прежними. В этом смысле Глазунов 1986 года — это тот же Глазунов, который дебютировал в Москве тридцать лет назад, сразу обретя известность, своего зрителя, своих пропагандистов, как, впрочем, и страстных оппонентов, порой даже выводящих его деятельность за рамки собственно художественного творчества. Об этом искусствовед Каменский саркастически писал в статье «Сфинкс без загадки», предвещая дебютанту быстренькое забвение.

И в сюжетах, и в технике Глазунов в минувшие тридцать лет оставался верным себе. Изначальное в его искусстве, получив, конечно, шлифовку, является самым главным и самым ценным и сегодня. Надо признать, что зрителя притягивала такая стойкость, такая неколебимая. Стили и моды стремительно менялись. Плакатная, нередко примитивная монументальность заменилась в живописи подражаниями итальянскому Возрождению и «малым голландцам». Пришел черед стыдливому гиперреализму, пробил час слайд-картин, а Глазунов оставался неизменным. И вновь и вновь на его выставки выстраивались очереди. Куда бы ни приводила меня журналистская судьба — в Челябинске, в Подтепесе на Енисее, в Архангельске, в цехе завода и на железнодорожном полустанке меня спрашивали о Глазунове. Бригада ребят

на строительстве Байкало-Амурской магистрали включила Глазунова в свой состав, выполняла несколько лет его норму и перечисляла деньги в Фонд мира.

Говорить после этого о том, что за красками и линиями Глазунова ничего нет, — а так поступают некоторые раздраженные художники и искусствоведы, — просто непрофессионально.

С первой своей выставки Глазунов обратился к памяти современных русских людей —

полемические заметки

ЧЕРЕЗ ПРОШЛОЕ — К БУДУЩЕМУ

Послесловие к выставке И. Глазунова

кровных детей и внуков тех самых великороссов, о национальной гордости которых писал в свое время В. И. Ленин. Надо заметить, что и одним из первых исторических портретов Глазунова был образ Владимира Ильича. С такой же «глазуновской» трактовкой образа Ленина мы встречаемся в новой картине «Костры Октября», где вождь революции показан с Дзержинским и Свердловым, олицетворяющими и ленинскую гвардию, и духовно-интеллектуальное, героико-созидательное начало революционных преобразований со всей их тяжелой работой, болью и напряжением.

Народная память, как бы возрожденная и высветленная уже в первых произведениях Глазунова, была такой же — честной, деятельной, пробуждающей совесть, восстающей против благодущия и благообразия. Ее обнаженный нерв был нервом автора.

Зритель сразу почувствовал и принял это. С ним страстно и искренне говорил повзрослевший мальчик ленинградской блокады, на глазах которого от голода умерли отец и мать. Мальчик, спасенный дядей-фронтовиком, отхоженный и заново выпестованный новгородской крестьянкой. Мальчик, уже в юности своей ощутивший родство с теми, кто восстал против ордын-

ского ига и страдал с «униженными и оскорбленными» Достоевского, проливал свою кровь на полях Великой Отечественной войны и не мирился с недостатками сегодняшней жизни. Это была кровная связь героев Куликовского поля и священной битвы с фашизмом, с героями БАМа, с металлургами Череповца, с мастерами культуры, с патриотами других стран, ведущими борьбу все за то же человеческое достоинство, достоинство народа, нации. Протест против социального зла, агрессии, ядерной смерти, энергично выражаемый в беспокойной живописи Глазунова, органичен тревоге художника за Память в каждом из нас и во всех современниках. Искусство Глазунова обращается как к коллективному сознанию, так и к сокровенному в

индивидууме. Это стремление дойти до каждого и до всех волновало когда-то и мастеров древнерусской культуры, и Маяковского, и Брехта.

«Какое наслаждение уважать людей!», — говорил Чехов. «Какое наслаждение уважать память и самосознание народа», — мог бы сказать Глазунов. Эти качества присущи его лучшим работам. Но есть у художника и вещи, где переживание подменяется заученностью роли, превращаясь в расхожий штамп — сюжетный, композиционный, колористический. К сожалению, такие работы тоже попали в экспозицию отчетной юбилейной выставки мастера. Может быть, к тому толкнули неминуемо окружающие его люди лести, влюбленной слепоты, те, кого

проще и точнее назвать околхудожественной публикой. Такие есть и на театре, и в кинематографе, и в литературе. Талант обязан быть зорким.

На мой взгляд, силу Глазунова составляют портреты и книжная иллюстрация. В сюжетных полотнах мне видится какое-то, может быть, излишнее нагромождение страстей, обращенное больше к разуму, нежели к чувствам зрителей. Одинаково громадные глазницы большинства персонажей делают лица похожими друг на друга. В ряде случаев анатомические неправомерности — это не плоть художественного образа, имеющего свою меру условности, а просто погрешности рисовальщика, небрежность, недопустимая для профессора Суриковского института. Мелькает кое-где банальность, та обывательская «красивость», против которой восстает сам же Глазунов. А ведь ложка дегтя действительно портит бочку меда. Нужна большая требовательность художника к себе. С него и в самом деле не только спросится в будущем, на суде истории, но и спрашивается сегодня, сейчас.

Страна вступила в новый этап развития. Он во всех отношениях революционен. В искусстве тоже требуется уже иной уровень мышления. И в памяти, и в новых явлениях, возникающих перед нами, необходимы невиданные ранее художественные открытия. Разумеется, это прежде всего связано с жизнью человеческого духа, с борениями и исканиями нашего времени, с трудом народа. Аудитория у художника очень широкая, и зритель вправе ожидать от него новых шагов вперед в творчестве. Глазунов, думается, это понимает. Свой «промежуточный» творческий юбилей он отметил своевременно. Период сейчас переломный.

Жизнь сложна для каждого. Для художника особенно. Это должны понимать и зритель, и художественный критик. Поэтому, воздав должное сделанному и совершенному, воздержимся от окончательных эпитетов. Ведь труд и поиск продолжают. Как заповедовал Лев Николаевич Толстой, важно не то место, которое мы занимаем, а то направление, в котором мы движемся.

И. КУПЦОВ.

На снимках: «Костры Октября», «Два князя».